

М. СЕРДЮКОВ

ПРОСВЕТЛЕННЫЙ ТОНІІ

КУРЕНИЕ ВРЕДИТ ВАШЕМУ ЗДОРОВЬЮ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Михаил Михайлович Сердюков

Просветленный Тони

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43119244

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-09813-8

Аннотация

Тони, главный герой этой книги, – черствый и упрямый коп, которому осталось совсем ничего до выхода на пенсию. Его взгляды настолько закаменелые, что только удар бейсбольной битой по его темечку может что-то изменить, и то это не точно. Герой неисправим, тем интересен. Эта история о том, как заносчивый засранец, просветлился к концу книги, отпустил свой контроль и наконец почувствовал жизнь.

Содержание

От автора	4
Предисловие	6
Глава 1. Тони едет на работу	8
Глава 2. Тони толкует с шефом	14
Глава 3. Тони – главный герой лекции. Часть 1	23
Глава 4. Тони рассказывает о «Святошах»	28
Глава 5. Тони пытаются подкупить	34
Глава 6. Тони – главный герой лекции. Часть 2	43
Глава 7. Тони заглядывает к своему информатору	47
Глава 8. Тони расшифровывает записку	57
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Михаил Сердюков

Просветленный Тони

От автора

Я вырос в девяностых.

В детстве за один день я мог посмотреть до двух видеокассет с американскими боевиками (две видеокассеты – это четыре фильма) – я был пропитан их духом, восхищался непобедимыми киногероями. Фильмы показали мне идеальные образы: вот этот парень – плохой, а этот – хороший. Мир поделился на добро и зло, светлое и темное.

В юности я совсем не принимал середины и мыслил жесткими категориями. Кино сделало меня бескомпромиссным, но жизнь не терпит таких людей. Жизнь любит пластичность и подстройку, она учит чувствовать неуловимое, еле заметное, то, что прячется на ребре бумажного листа. Она подсказывает, где можно обнаружить тонкую грань истины.

Тони, главный герой этой книги, – черствый и упрямый коп, которому осталось совсем ничего до выхода на пенсию. Его взгляды настолько заостреные, что только удар бейсбольной битой по его темечку может что-то изменить, и то это не точно.

Мой герой неисправим, и тем интересней. Мне было любопытно поиграть с заносчивым засранцем и просветлить его к концу книги. Я хотел, чтобы самый упрямый тип в мире в конце истории отпустил свой контроль и наконец почувствовал жизнь. Мне пришла идея привести его к этому через допинг – наркотики. Сам я резко отрицательно отношусь к употреблению любых средств, меняющих сознание. Наркотики убивают людей и калечат судьбы. Я предпочитаю получить эффект расслабления, умиротворения и почувствовать любовь ко всему через медитацию (практикую уже девятый год). Поэтому прошу относиться к наркотикам в моей книге как к приему, помогающему сделать сюжет закрученным и насыщенным действием. А к едким выражениям и щекотливым ситуациям – как к способу погружения в мир плохих парней.

Эта история – провокация, читайте между строк, ищите смысл не в тексте, а в метафорах. Рассказ местами может быть противным и мерзким – ну что ж, такое случается. И главное, помните с самого начала: в конце все изменится. Ведь всегда все меняется? Только в чем источник изменений – в самом человеке или в обстоятельствах?

Приятного путешествия в отвратительный мир жесткого копа.

Предисловие

Из этого города нет выхода, он засасывает, как трясина, погружая на самое дно. Ты можешь вонять, как носки бездомного, – и даже не заметишь, что с тобой что-то не так. Этот город сковывает, будто ты заключенный в камере смертников, и вроде из тебя уже выбили всю радость жизни и оставили лишь помой надежды, но дерьмо, которое окружает, затопит и это многообещающее чувство.

Если вы захотите узнать, почему я не жалею мрачных красок, описывая Эванстон, город чуть северней Чикаго, то вам просто необходимо побывать в моей шкуре. И если вдруг вы не против, то считаю себя обязанным предупредить: мое тело изрядно поношенное. Мой биологический скафандр – как замызганный прожженный комбинезон. Мои суставы ни к черту и при каждом движении выдают чечетку, а морщины на лице напоминают сложенные меха баяна. Если вены на моих руках проткнуть иглой, то будет сочтаться черная жижа: моя кровь насыщена густой смолой, словно я питался нефтяными отходами. Сорокалетний стаж курения наполнил меня никотином под самую завязку, и мой кашель напоминает рык раненого гризли.

И если вы спросите, какого хрена я треплюсь о своем физическом состоянии, то мой ответ будет прост: идите к чертям. Здоровье полицейского, которому до пенсии оставалось

две недели, – важная часть рассказа, и, прежде чем погрязнуть в зыбучих песках этой истории, вы должны понять, с кем имеете дело.

Меня зовут Тони. Друзья так зовут. У меня вообще нет никаких полных имен и другой херни, которую так любят добавлять при обращении к тебе молодые копы, чтобы типа подчеркнуть статус, а на самом деле – лизнуть промежность. Мне всегда было достаточно простого «Эй, Тони, как сам?». Я никогда не любил всякого рода знаков внимания и не терплю, когда передо мной мнутя, словно я горячая цыпочка. Я обычный, потертый жизнью детектив, не раз прокатившийся на американских горках под названием «Дерьмо случается». И мне оставался прощальный заезд в четырнадцать календарных дней, которые обещали быть непростыми, как ночная прогулка белого парня в дорогом костюме по негритянскому кварталу.

Шеф решил, что мой долг перед уходом – раскрыть дело «Святош». Он считал, что такой уход копа будет красивей праздничных конфетти и бенгальских огней под звон бокалов шампанского. И если он так решил, то я обязан выполнить его приказ. Никогда не любил злить шефа и тем более перед уходом не стану играть с его и без того натянутыми нервами.

Глава 1. Тони едет на работу

Утро. Будильник уже кричал на всю квартиру. Я захлопал глазами от резкого света и почувствовал запах своей прокуренной комнаты. Вкус во рту намекал, что кот перепутал свой лоток. Руки не слушались, складывалось впечатление, что меня парализовало и отныне я прикован к своему вонючему матрасу. После того как я напрягся и все же дал серьезный импульс своему телу, оно неуклюже задержалось.

На электронных часах ярко горело 08:15. Через сорок пять минут я должен быть в участке, иначе меня ожидает выговор от шефа. Мне не очень хотелось гладить против шерсти лысую голову босса, и это не из-за того, что я уважал этого недоростка. Все гораздо прозаичней: я стремился иметь безупречное личное дело.

До сегодняшнего дня я был хорош. Настолько хорош, что в девяносто втором мне пожимал руку сорок первый президент США, сам Джордж Буш – старший, и даже наградил меня парой добрых слов за раскрытие серии убийств. Тогда мы с парнями загнали в угол маньяка по кличке Мексиканец. Этот чокнутый хер утром развозил кисломолочные продукты, а вечером вырезал знаки майя на мертвых телах молодых женщин. Когда через него пропустили две тысячи семьсот вольт, на моей груди уже красовалась медаль «За отличную службу». Жизнь психа превратилась в позолоченную желез-

ку на черном пиджаке. Нехилый обмен. Дядя Сэм знал, как подарить приятные эмоции копу – поджарить к чертям задницу плохого парня и повесить медаль хорошему.

Меня ждали последние триста тридцать шесть часов службы. Еще немного – и уйду на заслуженный отдых. Примером. Мои успехи войдут в летопись участка и, вполне возможно, всего штата. Недурной план для старика вроде меня.

Перед тем как моим ступням коснуться холодного пола, я трясущейся рукой попытался нащупать пачку сигарет. Когда мне это удалось, достал одну сигарету и крепко сжал в зубах. Сел. Чиркнул зажигалкой. Огонь облизал край злодейки с фильтром. Сладкий дым ворвался в легкие. Это то, что мне было нужно. Небрежно ударил ладонью по неугомонному будильнику. Тишина. Клубы дыма от сигареты рисовали приятные узоры. Кажется, жизнь вновь стала сносной штукой.

Я отклонился назад и, сделав рывок, встал на ноги. Папочка в игре. Шаркая, я дошел до зеркала, попутно стряхивая пепел. В отражении я увидел старика. Когда у меня появился такой живот? Складывалось впечатление, что кожа обтянула шар для боулинга. На голове блестел серый локон волос, а на подбородке жесткая щетина с седыми точками прятала уставшую кожу. Я затянулся. Еще пара затяжек – и сигарета оставит мне легкий ожог на память. Я процедил дым сквозь желтые зубы, не открывая рта.

«Тони, что с тобой сотворило время?» – подумал я, всмат-

риваясь в отражение.

Под глазами висели мешки, они были такими большими, что мое лицо напоминало морду уставшего бульдога. Губы повисли в ожидании новой порции никотина. Не помню, когда я вообще улыбался.

Я сделал последнюю затяжку и пошел на кухню. Она воняла. Кажется, я забыл убрать остатки еды. Если сыр с плесенью можно считать деликатесом, то будет ли в цене засохшая пицца с зеленым грибочком? Я зачерпнул столовую ложку быстрорастворимого кофе и небрежно кинул его в стакан. Говорят, возраст дерева определяется по количеству колец, так вот если бы мой стакан был деревом, то, судя по числу колец на нем, им будто начали пользоваться еще в Средневековье. Чайник засвистел, как постовой на нерасторопного водителя. Кипяток превратил коричневые гранулы в густую шмурдяку. Топливо готово. Когда я одним глотком опрокинул весь стакан, мое горло даже не почувствовало тепла. Или у меня низкий болевой порог, или в прокуренное к чертям горло уже можно вливать вулканическую лаву.

До моего прихода в участок оставалось совсем немного времени. На протяжении всего срока службы я всегда появлялся вовремя, и сегодня не будет исключением. Я сделал несколько небрежных движений зубной щеткой, а потом плеснул водой себе в лицо. Освежился. Натянул черные брюки, белую рубашку, которая почему-то приобрела желтый оттенок, и кожаный плащ в пол. Завязал шнурки на своих

любимых ботинках. За моей спиной захлопнулась дверь.

На улице уже утомился ждать припаркованный черный «мустанг» шестьдесят девятого года. Если бы Нобелевскую премию выдавали за самый злой автомобиль, то мой сорванец имел бы возможность получить ее. Необузданный табун лошадей ждал, когда я нажму педаль акселератора. Четыреста скакунов умоляли, чтобы папочка не жалел сил и вдавливал как следует. Агрессивная решетка радиатора давала понять, что она будет заглатывать воздух галлонами, дабы охладить дикий нрав мотора, а выхлопные трубы, напоминающие старую добрую двустволку, имели такой радиус, что в них при желании можно было поместить две торпеды. «Мустанг» умел ездить и не скрывал своих способностей.

Когда я повернул ключ зажигания, в моих зубах уже дымилась сигарета. Я надавил на газ, и из задних труб вырвался оглушающий звук, словно японцы снова решили полетать над Перл-Харбором. Я выпустил дым через нос и направился в участок. Мотор рычал что было мочи. Надрываясь, он вез мою задницу туда, где ей было положено находиться, – в городское управление по уголовным делам.

На улице было прохладно, стояла осень. Из-за ватных облаков проглядывало приятное солнце, поэтому я надел свои черные «авиаторы». Стоит признать, в них я стал выглядеть еще суровей, и для полноценной схожести со Сталлоне мне оставалось засунуть спичку между зубов. Только хрена с два я запихаю эту мелкую занозу себе в рот. Меня не радуют все

эти киношные копы, которые только выглядят брутально, а на деле сопляки. Никто из них ни разу не смотрел смерти в самую глубину ее черных глаз. Никто из них не хоронил славных парней, которым не повезло в уличной заварушке. И никто из них ни хера не видел, кроме пучка яркого света в свое смазливое лицо. Настоящий коп угрюм, как десятилетний паренек, у которого не взорвалась новогодняя петарда. Он невесел, как старшеклассник, у которого упал член в самый ответственный момент. Настоящий коп – это ходячая мозоль, это рваная рана и кровоточащая десна. Коп не красуется, а делает свою работу, и делает он ее так же хладнокровно, как мясник рубит головы коровам.

Город суетился. Люди шныряли туда-сюда с таким видом, будто их жалкое существование имеет хоть какую-то значимость.

Выбросив окурок в окно, я еще сильнее надавил на педаль газа. Я не очень-то жаловал философские рассуждения и всегда недолюбливал ребят, которые положили жизнь на бестолковые поиски ее смысла. Жизнь копа проста, как выстрел из сорок пятого калибра, – стремительна и смертоносна, поэтому я нечасто задумывался над природой мироздания и прочей дребеденю. Детектив должен действовать. Действовать жестко и бескомпромиссно. И последние сорок два года мне это удавалось.

С первого дня службы я окунулся в дерьмо под названием «убойный отдел». Сразу же я заявил о себе, разбив нос

шефу полиции за то, что тот сравнил мою тогда уже покойную маму (она умерла, когда мне было десять) с самкой терьера. На второй неделе я попал в недетскую заварушку (откуда вышел героем), а еще через два-три месяца раскрыл серьезное дело. Моя карьера – это путь рок-звезды. Я как гробаный Мик Джаггер, только у меня был не один ствол, как у старины Мика, а целых два: один – для плохишей, а другой – для знойных подруг.

Мой дикий зверь прорывался через надоевшие пробки. Он задыхался от скуки, если приходилось тормозить на светофорах, и пыхтел, если кто-то занимал левый ряд.

«Мустанг» рвался проявить себя, показать, на что он способен, но дороги были перегружены сраным планктоном, боявшимся нарушить какое бы то ни было правило.

Когда мой черный «форд» остановился у участка, часы показывали 08:57.

Как я уже намекал ранее, Эванстон та еще дыра. Он славился своими жителями, которые научились неплохо обращаться с деньгами. С виду уютный городок с населением в семьдесят пять тысяч человек казался милым и незатейливым, но это было заблуждением. Город, подобно тихой девушке, имеющей целый склеп в шкафу, скрывал свои криминальные истории. И пускай Эванстон был маленький, как дырочка девственницы, но заболеваний в нем было больше, чем у уличных шлюх.

Глава 2. Тони толкует с шефом

Выйдя из своего «мустанга», я хлопнул дверью так, что голуби, гулявшие по тротуару, решили унести свои пернатые тела подальше. Я снова закурил. У меня было в запасе еще две минуты, чтобы смачно посмолить дурнушку. Клубы сладкого дыма меня радовали. Проходящие мимо копы кивали или махали руками в знак приветствия, в ответ я лишь хлопал глазами или слегка подмигивал. Заводные ребята в форме всем своим видом демонстрировали почтение, я бы даже не удивился, если бы кто-то решил подойти ко мне и попросить автограф. Настолько крутым меня считали.

Я сплюнул на асфальт заряженную кофе слюну, бросил окурочок, потушил его своим ковбойским ботинком и, нахмурившись, двинул в кабинет к шефу. Меня ждал разговор по делу «Святош», и я был готов выложить новые факты этому лысому недоростку.

Участок стоял на ушах. Копы возились в грязном белье горожан, вытаскивая наружу всю гниль. Кодекс хорошего детектива гласил: чем стремней дельце, тем больше за него заплатят и навешают нехилых званий. Работники убойного отдела были хуже трупных червей. Выискивая самые протухшие истории, они кормились и завоевывали уважение коллег.

Наш шеф никогда не ковырялся в дерьме, его максималь-

ный рекорд – легкое погружение по щиколотку. После того как он закончил полицейскую академию, ему дали возможность поперекидывать листики из одной пачки в другую, а потом какой-то умник решил, что этот лысый ботаник справится с целым отделом, и приказал ему возглавить участок. Ботаник был не против.

Расталкивая увлеченных работой копов, я двигался к кабинету шефа. Мой оскал демонстрировал пренебрежение, которое я чувствовал к этому засранцу. Я без стука открыл дверь. Хозяин кабинета что-то печатал на клавиатуре.

– Ты как всегда вовремя, Тони, – не отрываясь от дела, произнес шеф.

– Это мой стиль, босс. Я не люблю ребят, которые не следят за временем.

Начальник оторвал взгляд от монитора и перевел его на меня. За линзами очков толщиной в колоду карт хлопали светло-голубые глаза. Он собрал ладони в лодочку и замер в размышлении.

– Речь пойдет о «Святошах», – вступил я.

Шеф развел руками и откинулся на спинку кресла.

– Я выяснил, что эти ребята привезли первую партию дури еще в прошлом году. – Я сделал паузу, и моя рука потянулась за пачкой сигарет в карман кожаного плаща.

– Может, ты присядешь? – Шеф указал на стул напротив.

Кресло начальника было настолько большим, что недвусмысленно давало понять, кто тут главный. Стул, на который

я уронил свой зад, был твердый, как бетонный пол.

Мартин – так звали лысого очкарика, доминирующего над всем отделом, – был спокойным, словно каждое утро ему вкалывали серьезную дозу транквилизаторов. Он двигался неторопливо, как жук, угодивший под мощную струю дихлофоса.

– Послушай, Тони, – прожевал шеф, – ты хороший коп. И совсем скоро пойдешь на заслуженный отдых. У тебя будет хорошая пенсия и даже почетная грамота от губернатора округа. – Мартин откашлялся. – Я тебя прошу, оставь «Святош» парням помоложе, а сам приведи свои дела в порядок.

Каждый раз, когда я слышал, что кому-то стоит привести дела в порядок, мне представлялся лежащий на койке больной, планирующий с минуту на минуту откинуть копыта. Я еще не собирался сыграть в ящик, поэтому не понимал, к чему клонит начальник.

– Шеф, ты хочешь вывести меня из игры? – В моих зубах появилась сигарета.

– Только не говори, что ты сейчас закуришь.

Зажигалка выдала искру, и появившийся огонек обжег тонкий слой бумаги. Кабинет босса наполнился дымом. Шеф закашлял.

– Шеф, если ты хочешь, чтобы дело было раскрыто, то тебе просто необходимо выслушать, что я вынюхал про этих гребаных наркоманов, – спокойно сказал я.

Начальник напрягся: то ли большое кресло придавило ему

яйца, то ли его не радовал запах кубинского табака.

– Тони, я тебя вызвал не для того, чтобы слушать истории про «Святош», а для того, чтобы ты наконец услышал официальное заявление начальника уголовного отдела. – Мартин привстал, вытащил сигарету у меня изо рта и потушил ее об стол из красного дерева.

На моем лице замерло недоумение, а шеф плюхнулся обратно на свой кожаный трон. Он поправил галстук, сдерживая напряжение, и, вздохнув, добавил:

– Тебе осталось чертовых четырнадцать дней. Не делай глупостей.

В комнате запахло протухшим копом. Кто-то из нас двоих играл не за ту команду, и это был не я. Мне не нужно было общаться с долбаным экстрасенсом, чтобы понять, что шеф троит, как изношенный движок. Мартин решил выгородить «Святош», выводя меня за линию поля. Он знал, что я подошел к ним достаточно близко, чтобы хорошенько ухватиться за их вонючую задницу. Осталось понять, что такого они пообещали этому лысому придурку, чтобы тот так их прикрывал.

– Босс, ты же знаешь, я хороший коп, – кинул я, доставая из кармана новую сигарету.

Шеф молча смотрел. По его сжатому телу было заметно, что у него вышел из строя не только движок, но и термостат, – Мартин закипал.

– А если у хорошего копа вытащить сигарету изо рта, – я

засунул дурнушку между зубов, – то у него во рту появится новая.

Зажигалка. Огонь. Дым. Дикий взгляд напротив.

– Тони, у тебя от этого дерьма, – шеф принялся размахивать руками, пытаясь расчистить воздух от дыма, – совсем мозги высохли. – Он сделал паузу. – Ты походишь на параноика. Уже весь отдел воеет от твоей теории заговора. Какого хера ты вообще решил, что у «Святош» может быть сложная система наркотического трафика? Пару партий за полгода – это не объемы Эскобара, чтобы трубить тревогу. Ты делаешь из мухи слона. «Святоши» – это мелкая дилерская сеть, а ты из небольшой картины Моны Лизы раздуваешь фреску Микеланджело. – Шеф снова замахал руками. – Я заглядывал к тебе в кабинет – твоя доска расследования наряжена ярче рождественской елки, а из нитей связей ты свил паутину получше, чем у некоторых пауков. Ты вообще в своем уме? Несколько продаж их дури не дает повода придавать расследованию такие масштабы. – Он снова поправил галстук.

Сигарета приятно тлела, пока я пренебрежительно смотрел в самую сердцевину глаз босса, решившего поиграть в двойного агента. Я стряхнул пепел на его стол из красного дерева. Мой стул пронзительно скрипнул.

– Оставь это дело и спокойно выходи на пенсию, – пытаюсь сохранить дружелюбие, процедил босс. – Займись документами, пообщайся с парнями, поведай им истории из своей жизни. За дело не переживай, я его поручу настоящим

спецам.

Я выглядел безмятежным. Могло показаться, что я впал в прострацию, но по факту я кипел, как свинцовая жижа. Меня выворачивало от этого недоноска, предлагающего мне перебрать стопку бумажек и потрепаться с коллегами. В отделе все знали, что Тони не дает ходу своему языку. Дополнительная сигаретка – всегда пожалуйста, а вот болтовня – выбор ребят, потерявших яйца.

– Шеф, ты знаешь, если раненый волк схватится за жертву, – я чихнул, – то он никогда ее не отпустит. Никогда. Даже если его бить веслом и резать бензопилой, его хватка не ослабнет. – Я бросил окурок на стол Мартина и встал с этого дерьмового седла для тонкожопых.

– Тони, не вынуждай меня просить тебя сдать свой значок, – бросил шеф мне в спину.

– Тебе не придется меня просить, я его сам сдам. – С моего пояса слетел позолоченный герб полиции.

– Ты псих, какого хера ты делаешь?!

Я ударил дверь плечом и под крики лысого очкарика пошел в сторону выхода, чеканя свой марш свободы. Я на все пятьсот процентов был уверен, что этот мудака замешан в деле «Святош», и я планировал доказать, что не ошибаюсь.

– Тони, ты что снова наделал? Почему шеф орет как ошпаренный? – с улыбкой крикнул какой-то салага.

Мои шаги были твердыми, я не планировал реагировать на тупые вопросы разных дебилов вроде этого юнца в фор-

ме. Я сбил его плечом и двинул дальше по своим делам, тот отлетел и пробубнил себе под нос:

– Какой же ты козел, Тони.

Мне это не понравилось. Я остановился, словно наступил на лужу быстродействующего клея, спокойно достал пачку из кармана. Там была последняя сигарета. Я занервничал, но все же вытянул дурнушку и положил между своих потрескавшихся губ. Через секунду она уже дымилась. В отделе все замерли.

– И что ты сделаешь? – завопил салага.

Шеф подошел к двери и прислонился к косяку, ожидая, как я поступлю дальше. Странно: он молчал, будто в его рот засунули двойной чизбургер. Все полицейские в участке стояли как восковые фигуры. Не помню, чтобы кто-то предложил поиграть в игру «Кто первый пошевелится», – значит, весь этот театр из-за меня.

– И что ты сделаешь? – повторил салага. – Покажешь мне пенсионное удостоверение, и я умру от шока, узнав дату твоего рождения?

Мое молчание и спокойствие пугало парня. Быть может, я бы и не трогал его вовсе, но шеф изрядно поиграл на моих нервах. Теперь я был не в духе. Мне было просто необходимо сбросить дерьмо, которое вывалил на меня начальник. На работе знали, что я совсем не понимаю шуток, знали все, кроме этого выскочки. С каждой новой затяжкой в воздухе острее чувствовалось необратимое – салага влип. Копы

забыли о своих делах, увлеченно представляя, какого сорта будет расправа.

Я бросил взгляд на сигаретку, последние двадцать секунд дурманящую мою кровь. Она и дальше могла меня радовать, если бы не молодой коп напротив. Его нижние веки превратились в два бассейна, из которых скоро могло потечь через края.

Наконец я ожил, спокойно подошел вплотную к салаге. Моя рука с никотиновой подружкой поднялась на уровень наших лиц, а еще через секунду оказалась около его лба. Мне вспомнились дружелюбные ребята из Индии, про них я смотрел по кабельному: в передаче говорилось, что они очень любят рисовать красную точку между глаз. Я подумал, что парню тоже пригодится такая точка. Я не стал искать пепельницу: лоб салаги хорошо справился с ее ролью. В последний момент, под шквал криков шефа, коллеги подбежали разнимать нас, но я все-таки успел открыть третий глаз мелкому говнюку. Теперь он никогда не забудет мое имя – Тони. Имя старика, который оставил отметину на его лице.

На весь участок стоял крик. У паренька был неплохой словарный запас. От болевого шока он вспомнил все ругательные выражения и выпалил их, изрядно удивив меня. Мне, конечно, интересно было послушать новые языковые находки, но меня ждали дела.

Расталкивая недовольных, я покинул участок. Свежий воздух продул мозги. После такого спектакля мне хотелось

засунуть в рот подружку, набитую табаком, но я был пуст.

Глава 3. Тони – главный герой лекции. Часть 1

В аудитории стоял гул. До начала лекции студенты трепались о своих желаниях. Всем молодым людям свойственно предаваться мечтам, до тех пор пока не столкнутся с реальностью. С той жестокой действительностью, которая ломает поперек, оставляя кровоточащие раны открытыми до последнего дня на этой проклятой планете. Когда эти мелкие сопляки увидели меня, они тут же заткнулись.

Бросив свой кожаный саквояж на стул, я молча подошел к доске. Когда я взял мел, в аудитории была гробовая тишина.

– Меня зовут мистер Джонатан Сноу, – имя я нацарапал на доске. – Вы можете звать меня мистер Джонатан. – Я повернулся к студентам. – На этом этапе есть вопросы?

В аудитории было так тихо, что если кто-то решил бы припустить шептуна, то я бы его услышал. Кажется, новички знали, кто я такой и с чем меня едят. По факультету уже пробежал слух о моих заслугах, и мало кто хотел связываться со мной, затевая дешевую провокацию.

– Этот семестр я буду преподавать у вас криминалистику. – Я откашлялся. – Это основная дисциплина в выбранной вами профессии. Мне сорок шесть лет, я практикующий детектив. За моими плечами не одно раскрытое дело. И даже

дело, о котором вы наверняка слышали, – оно-то и сделало меня популярным засранцем. – Я ухмыльнулся, а студенты не позволили себе такой роскоши. – Вы слышали о нем?

У всех студентов руки поднялись, точно грибы после дождя.

– Это дело – самый неоднозначный процесс в моей карьере, и первую лекцию я посвящу ему. – Я натянул улыбку и снова взял мел.

После неуклюжего, сопровождаемого писклявыми звуками вождения куском известняка по доске, под моим именем образовалось словосочетание «Наркотическое прозрение».

– Я бы назвал это дело именно так – «Наркотическое прозрение». Возможно, вы видели в газетах и слышали в телевизионных шоу, что это дело муссировалось под более впечатляющими названиями, например: «Эванстонская мясорубка» или «Наркотическая травля „Святош“», но я бы вам предложил записать в своих тетрадях именно такой заголовок – «Наркотическое прозрение».

Студенты открыли тетрадки, чтобы послушно переписать два слова, нацарапанные на доске.

– И если вы знаете, кто я, и знаете про это непростое дельце, то вы сейчас в один голос скажете мне, кто главный герой этой заварушки. – Я театрально сделал паузу.

Снова аудитория оживилась. Руки студентов взлетели вверх.

– Вы хорошо подготовлены, – на моем лице образовалась

улыбка.

Я обвел взглядом студентов, чтобы найти молокососа, который бы назвал имя героя моей лекции. Молодые лица с горящими азартом глазами пялились на меня, словно я новогодняя елка. Все как один держали на весу ручки, желая продемонстрировать свою осведомленность. Парни и девчонки разного калибра умоляли меня дать им слово, чтобы они смогли почувствовать себя важными персонами на этой вечеринке.

Мой взгляд упал на привлекательную девушку. У нее было глубокое декольте, из которого на меня смотрела сексуальная ложбинка. Милое личико прикрывали длинные волосы и строгие очки. Эта детка выглядела как надо, а я никогда не стеснялся подкатить свои старые яйца к молоденьким ученицам. Поэтому, недолго думая, дал ей возможность произнести имя главного героя, о котором пойдет речь.

– Тони, – сказала сексуальная студентка в обтягивающей белой блузке. – Главного героя дела «Наркотическое прозрение» зовут Тони, – спокойно произнесла она.

Голос у этой девчонки был пронзительный, как будто она с его помощью сделала мне минет.

Услышав верный ответ, студенты с выдохом опустили руки.

– Как вас зовут? – спросил я девушку.

– Меня зовут Скарлетт. – Она нежно улыбнулась. Эта чертовка знала, как возбудить даже опытного мужика.

– Именно, Скарлетт, именно. Главным героем нашей лекции будет коп по имени Тони, связанный с делом, которое стало настоящей сенсацией. И вы знаете почему?

Студенты снова принялись махать своими конечностями. Скарлетт тоже подняла руку, так что ее грудь немного натянулась и чуть больше приоткрылась, мне это понравилось, но, чтобы не вызывать подозрений, я указал на какого-то прыщавого ботаника.

– По сообщениям СМИ, организация, называющая себя «Святоши», – официальным голосом начал тот, – с помощью своего изобретения убила в общей сложности девятьсот шестьдесят два человека, из них двести одиннадцать человек занимало высокие посты. После этого инцидента в мировой политике наступила новая эра. Старые парадигмы управления сменились, что сильно отразилось на мировой экономике и социальном устройстве.

Мелкий говнюк щебетал красивее многих репортеров. Этому засранцу светит неплохое будущее, если он в своем возрасте так уверенно держит речь. Если к этому умению добавить вылизывание задниц вышестоящих чинов, этот малый далеко пойдет.

– Откуда ты столько знаешь? – спросил я паренька.

– Мой папа детектив. Он мне все рассказал.

– Значит, решил пойти по папиным стопам? Неужели он не успел хлебнуть говна, чтобы отправлять своего отпрыска в такую дыру?

Аудитория зашепталась, а парень покраснел, как пятно-индикатор на сковородке с тефлоновым покрытием.

– Запомните сразу, – я решил расставить все точки над *i*, – я не из тех, кто будет подбирать слова. На моих занятиях вы погрузитесь в настоящий процесс работы криминального отдела. Жаргон, ругательства, которые я буду использовать, в участке звучат чаще, чем слова любви на устах молодой парочки. Поэтому не вертите носом, словно я подсовываю вам собачий помет. Я учу вас быть толковыми детективами, и, кроме меня, в этих стенах никому будет это сделать.

Глава 4. Тони рассказывает о «Святошах»

Четыре года назад мне вспороли грудину, словно я осетр, и вытащили пятьдесят два процента моих легких. Врачи посчитали, что лучше так, чем выращивать раковую опухоль. Они сообщили, что диафрагма не плантация для размножения злокачественных клеток, и избавили меня от «грядки». Хирурги сделали свою работу так же, как я делаю свою, – не подкопаться. После операции я даже перестал кашлять. Единственное, что меня беспокоило, – это мотор: когда я оставался без запаса смертельных палочек, движок тарабанил быстрее африканских барабанов на пике катарсиса. В такие моменты в ушах стоял гул. Мое тело жаждало табака. Я был как гребаный наркоман, только в моем случае все было легально и за пачку сигарет мне на хвост не упал бы коп со стальной хваткой, типа меня.

Мне не впервой оказаться без «зубочистки», мне не в новинку оппозиция начальству, и я уже брал баррикады в одиночку, но за все сорок лет службы я ни разу не лишился значка. Остаться без него – это то же самое, что любовнику потерять хер, а стрелку из лука – большой палец. Я как голодный пес без клыков. Теперь мне предстояло хлебать молочную кашу вместо того, чтобы грызть сочный кусок говядины. Я

был невесел. И даже двухдверный самец, стоявший на парковке, не вызывал теплых чувств.

Всякий раз, когда меня накрывала волна бессилия, я тащился к Дейзи. Эта девочка знала, как успокоить уставшего путника. Она без проблем могла зализать раны, покрутив своей упругой задницей, но сейчас мне нужно было к моему информатору. Этот парень по кличке Кислый находился в моем ежедневном рационе: после крепкого кофе в забегаловке «Теплый кипяток» я всегда направлялся к нему. Стукач имел такое погоняло из-за запаха изо рта. От него разило за версту, и я не исключал, что этот пикантный запах говна – из-за его длинного языка.

Я уже было собирался сесть в свою черную колесницу, как на горизонте замаячил один придурок – Стен. Прилежный детектив, образцовый засранец. Он всегда был одет в выглаженное, волосы его были ровно зачесанными, а осанка – безупречной, словно его насадили на деревянный кол. Этот тип не задавал лишних вопросов и выполнял приказы четче операционной системы на рабочем компе. Он вылизывал шефу жопу, словно она сладкий пудинг, и никогда не выкидывал фокусов. Стен был примерным, как ручной пес на выставке домашних животных.

– Тони, ты что, лимон облизал? – крикнул он.

– Стен, будь хорошим мальчиком, заткни свою рубку.

«Что с этими парнями не так? Неужели у меня написано на лбу „Задери меня“?» – подумал я.

Резко пойдя навстречу Стену, я выкинул руку вперед и вонзил ее в его размякшее брюхо. Он не ожидал такого поворота, поэтому согнулся монтажным уголком, а я лишь поправил кожаный плащ и спокойно направился к своему железному другу.

Несмотря на эмоциональный аттракцион в участке, я решил не изменять своим традициям и поехать в придорожную забегаловку, чтобы опрокинуть стаканчик-другой черного топлива, а после навестить моего вонючего осведомителя.

Солнце уже забралось достаточно высоко, чтобы заявить о себе горячими лучами. «Мустанг» стремительно двигался по дороге, напоминая взлетно-посадочную полосу. Мое тело трясло от нехватки никотина. Сердце от ломки выстукивало ритмичную дробь. В груди пронзительно болело, будто укусила сотня клещей.

Еще и этот проклятый город выворачивал наизнанку. Он шептал свою песню насилия. В этой тюрьме без видимых стен люди затапывали друг друга в грунт, не зная милосердия. Кровоточащая рана гноилась, и тонны перекиси в синей форме не спасали от огромной гангрены. На улицах разило тухлятиной. И даже через плотно закрытые окна доносился ядреный запах человеческого дерьма. Это место было больным, современная чума – психоз и бесконечное напряжение – выжигала радость напалмом. Люди искали освобождения, и «Святоши» обещали дать его.

Сперва добрые ребята в белых мантиях пропагандировали очищение с помощью мантр, медитаций и других модных практик, позаимствованных у восточных культур. «Святоши» предлагали просветление и впаривали его агрессивнее многих сетевых пирамид. Одностраничные сайты с яркой версткой призывали притащить свое тело к «Святошам», которые даже из самого обреченного сделают будду – счастливого человека, способного в этом гребаном мире продолжить свое существование без боли и прочего говна.

Только было одно но: процесс просветления требовал дикой концентрации и уймы времени. Не всем тибетским монахам, проводящим дни в медитациях, хватало жизни, чтобы заполучить состояние нирваны, а тут, согласно рекламной кампании, затраханный менеджер среднего звена мог достичь просветления. Ясно, что это ловушка для простаков.

Если бы так все и оставалось, то, возможно, «Святош» никто и не трогал бы, максимум – парни из экономического отдела задали бы им пару вопросов, и всё. Но ситуация изменилась, когда парни в чистых простынях, осознав, что туфта, которую они впаривают, не действует, решили разработать препарат, способный притупить работу головного мозга.

Говорят, они немало заплатили ребятам, которые когда-то не зря провели время с Альбертом Хофманом в поисках формулы абсолюта. Применив свой богатый опыт, химики создали дурь, способную повлиять на мозг так, чтобы человек кайфанул один раз и надолго. Одной таблетки размером

с виноградную косточку стало достаточно, чтобы клиент вошел в бесконечный трип и не выходил из него до самой кремации. И что-то мне подсказывало, что это стало самым выгодным вложением со времен Рокфеллера, который в 1870 году основал компанию «Стандарт Ойл» и стал первым в истории долларовым миллиардером.

У «Святош» наклевывался недурной оборот от адептов новой культуры, только проблема заключалась в том, что препарат способствовал формированию общества, свободного от желаний, то есть вел экономическую систему потребления в черную дыру. Я всей душой люблю Дядюшку Сэма, все это время радующего меня блестящими медалями на моей груди, и из-за этого я имею личные счета с ребятами, вставляющими палки в колеса моего доброго друга.

Движок «мустанга» ревел, словно стая диких птиц, спасающихся от затаившегося аллигатора. Этот звук меня успокаивал, ритмичная работа двигателя действовала как колыбельная, папочка радовался пуще обдолбанного «святоши».

Мой информатор при наших встречах не кричал от радости и не прыгал ко мне на шею, но эти встречи всегда были полезны обоим: я закрывал глаза на его мелкие проделки, а он закачивал в меня массу полезных сплетен о делах, творящихся в нашем уютном городке. Кислый накопил информацию о сложной системе поставок товара и помог раскрыть иерархию коммуны «Святош», а самое главное, он обещал слить место, где можно встретить Тоси Дэнсэцу, бес-

сменного лидера «Святош». Этот самурай особенно интересовал меня, его японскую задницу я и планировал заарканить. Тоси, помимо того что имел дебилское имя, еще имел и тупое окружение, распускавшее языки. Информация про «Святош» была доступнее косяка в Амстердаме: если такой придурок, как Кислый, мог быть в курсе их дел, то у «Святош» точно были проблемы с болтовней.

Глава 5. Тони пытаются подкупить

Красная вывеска «Теплый кипяток» уже отражалась в раковине моих черных глаз. Меня ждал бодрящий кофе и новая доза табака. Не знаю, от чего меня трясло больше: от предвкушения недурного пойла или щекочущего вкуса сладкого дыма.

Придорожная забегаловка, как всегда, была пуста. Это и выделяло ее из общей массы заведений. Тут я мог раскинуть мозгами и потрепаться с Гарри, стариком, пережившим две мировые войны. Это был неубиваемый мужик со стальным духом и, что важно, с запасом крепких ругательств. Гарри не жалел слов, описывая дни, когда мальцом он прятался от минометных ударов, а потом защищал интересы своей страны в заварушке покрупнее.

На Второй мировой войне светловолосый француз с американским именем потерял руку. Как рассказывал сам Гарри, найдя на поле боя оторванную конечность, он схватил ее и принялся махать, как клюшкой для гольфа.

– Вот была потеха, – улыбался Гарри, наливая пластмассовым протезом крепкий кофе.

Он мне нравился: старик умел пошутить над собой и всегда смеялся до слез, выдавая очередную историю. Еще Гарри обладал удивительным качеством: когда он видел, что я не в духе, он и шагу не ступал ко мне, сторонился, как острой

бритвы.

Когда я вошел в дверь кафешки, прозвенел колокольчик. Лысая башка Гарри быстрорастущим грибом выглянула из-под столешницы. Бросив на меня оценивающий взгляд, старик понял, что я не в духе, поэтому убрался обратно туда, где был.

– Тебе как обычно? – крикнул он.

– Наведи мне своего пойла, и поеду дальше, – сказал я, а потом добавил: – И скрути мне свою фирменную папироску, я на мели.

– Похоже, твои дела идут совсем паршиво, – заметил дед.

– Не хуже твоих, чертов ты умник. Кроме меня, тут вообще никого не бывает.

Старик промолчал, а через секунду выглянул из своего укрытия:

– Присаживайся, сейчас наведу тебе бодрящего дерьма, а то ты злой, как голодная рысь.

Меня удивило, что Гарри возился так долго под столом. Его возраст и отсутствие правой руки не позволяли ему хорошенько передернуть, поэтому я недоумевал, что еще он мог там делать.

– Я тут разбираю свои запасы кофе, – предугадывая мой вопрос, сказал Гарри. – Надо бы новый заказ сделать, ты уже у меня все выпил.

– Потерпи еще немного, тринадцать дней, и ты ноги моей здесь больше не увидишь.

– Каждый раз ты меня кормишь своей пенсией, я уже дни устал считать, – огрызнулся старик.

Конечно, я знал, что Гарри будет скучать и, возможно, еще быстрее откинется. Кроме меня, у него никого не было. Роняя свою дряхлую жопу на стул, я лишний раз понял, что жизнь, безжалостно пролетев на скорости гоночного болида, никогда не даст возможности выйти на повторный круг, оставит всякого ржаветь на свалке обреченного мусора. И я сам уже был одной ногой в деревянном пенале на глубине двух метров.

Гарри возился с бодрящим напитком для меня, а я, глядя в окно, задумался о шефе и его игре. Этот недоросток прекрасно знал, что я преуспел в расследовании, и, запаниковав, решил вывести меня из игры. Я уверен, что есть ниточки на моей стене расследования, которые обязательно приведут к черно-белой фотографии Мартина. Я ее, кстати, уже мысленно повесил рядом с фото пятидесятилетнего Тоси.

Последние дни «Святоши» вели себя тихо, не высовывались и ничем не выдавали себя. Обычному жителю этого города могло показаться, что их и вовсе не существует и что эта преступная группировка – сумасшедшая фантазия старого детектива. Но я знал, что они еще заявят о себе и сделают это так громко, что Эванстон потрянет. Мой сорокалетний опыт первоклассного детектива шептал, что их товар скоро выйдет на улицы. Их дерьмо перестанет быть чем-то труднодоступным и начнет распространяться чуть ли не бесплатно.

План Тоси мне рисовался гениальным: одной дозы достаточно, чтобы дурь уничтожила все привычные желания и сформировала последний импульс – любовь к тому, кто подарил этот незабываемый опыт. Вот почему уже сейчас было много приверженцев этого японца.

Кислый вынюхал, что в секте числилось уже около ста тысяч человек, целая армия. Эти ребята внешне ничем не отличались от обычных людей, но внутри все было настроено на соединение с бесконечностью.

– Твой кофе готов, – подойдя ко мне, произнес Гарри.

В его пластмассовой руке была закреплена белая чашка с густой жидкостью. Протез был неважного качества и напоминал крюк капитана корабля «Веселый Роджер» из мультика про Питера Пэна.

Я неохотно повернул голову к старику, а потом вернул свой взгляд в окно. У забегаловки остановился красный «мини купер» – машина, которую так любят педики.

– Не помню, чтобы к тебе в кафешку заглядывали дырявые, – глядя на водителя, аккуратно вылезавшего из малолитражки, произнес я.

– Может, заблудился, – ставя чашку с кофе, заметил Гарри.

– Ты мне зубы не заговаривай, где самокрутка?

Старик молча протянул мне сигарету, а сам поволокся к барной стойке – встречать гостя.

Когда парень в вязаном свитере подошел к двери, я рас-

смотрел его – на его лице подозрительно блестела улыбка, и создавалось впечатление, что между его булок застряло белое перышко и приятно щекотало его.

Открылась дверь. Раздался звонок колокольчика. Гарри сделал вид, что чем-то занят, а я, сверля взглядом незнакомца, поджег сладкую самокрутку старика. Ворвавшийся в остатки легких дым меня успокоил. Мое напряжение по взмаху волшебной палочки с никотином превратилось в уверенность. Тело выражало собранность, а ум стал бдительней пилота реактивного самолета.

Светловолосый тип с бакенбардами гуще, чем у Линкольна, не стал подходить к барной стойке и не стал присаживаться за свободный стол – он отодвинул стул напротив меня и с глухим плюхом приземлился на него. Я выпустил сладкий дым из носа. Дымные облака заставили помахать руками педика, вздумавшего потрепаться со мной. Я отпил крепкий кофе и бросил взгляд на Гарри – тот нервничал: он переживал не за меня, а за свое помещение.

– Меня сюда отправил Тоси Дэнсэцу, – со счастливой ухмылкой произнес парень.

Мне это ни черта не говорило, кроме того, что любитель бакенбард портит мне завтрак. Я как ни в чем не бывало сделал еще одну затяжку и отхлебнул забористого пойла.

– Он просил передать вам это, – незнакомец достал из-под стола бумажного журавля.

Я сделал еще одну затяжку. В моих легких образова-

лось жжение, которое захотело вырваться наружу. Я чихнул несколько раз так, что часть слюней от этого гейзера попала на паренька.

Гарри от испуга пошатнулся.

Передо мной стояла фигурка оригами: японский самурай решил отправить мне посылку.

«Надеюсь, Тоси в курсе, что оригами придумали в Китае, а он чертов японец», – подумал я.

В воздухе зарождалось напряжение.

– Тоси просил передать, что это первый подарок, – тупо улыбаясь произнес парень. Во взгляде педика не было жизни, этот парень уже был на другой стороне. Гребаный торчок.

– Судя по этому бумажному гусю, – протянул я, – Тоси талантливый малый. Передай ему, что его поделка впечатляет.

– Вы не поняли, мастер дарит вам жизнь, этот журавль символизирует свободу, которую вам необходимо только взять, – парень наклонился ко мне ближе. – Просто протяните руку и возьмите птицу из бумаги.

– Или что? – отпив еще немного черной жижи, произнес я.

– Учитель не угрожает, учитель дарит подарки, – сказал дырявый. – Второй подарок будет ждать вас у машины. – Парень встал и со счастливой улыбкой пошел к двери.

Гарри легко выдохнул, а я выпустил последнюю затяжку сквозь желтые зубы.

– Парень! – крикнул я.

Тот остановился.

– Передай своему боссу, что, когда я его поймаю, эта утка будет торчать у него между ног.

Дырявый лишь шире улыбнулся и под аккомпанемент дверного колокольчика покинул забегаловку Гарри. Он пошел к своему «куперу», открыл багажник, достал оттуда впечатляющих размеров черную сумку и, махнув мне, поставил ее около «мустанга».

– Этот мудака решил подложить бомбу? – процедил Гарри.

– Этот мудака решил подкупить меня, – упершись в край стола, заметил я.

Дырявый тип с мохнатостями на все лицо еще раз мне улыбнулся и умчал восвояси.

– И что ты планируешь делать? – любопытствовал Гарри.

– Выкурить еще одну самокрутку, – жестко ответил я.

– Никотин тебя убьет, – пробубнил старик.

– Лучше никотин, чем «Святоши».

Взяв бумажную поделку, я заметил какие-то надписи, выглядывавшие из-за загнутых краев. Препарируя журавля, я обнаружил, что это было письмо, содержащее иероглифы.

«Гребаный Тоси, ты вообще в курсе, что я чистокровный американец и ни хера не разбираю ваши каракули?» – подумал я.

– Гарри, ты знаешь японский? – произнес я, ожидая, когда старик скрутит мне папироску.

– Ты шутишь, я уже почти забыл французский, – ответил

Гарри. – Старость не делает меня умней.

– Ты прав, старик. Жизнь – не приятная вещица. Мы приходим на эту бойню безмозглыми, как валенки, и уходим, не помня своего имени, – крутя записку, отметил я. – Что там с сигареткой?

– Держи! – он кинул ее на барную стойку, показывая, что не собирается шевелить своим дряблыми булками.

Я засунул руку в карман, нащупал горстку мелочи, подошел к старику, высыпал пару монеток на стол, взял самопальную дурнушку и, пожав живую руку хозяину, направился к выходу из его вонючих владений.

– До завтра, босс, – не оборачиваясь, сказал я.

– Так что ты планируешь делать? – кинул вслед Гарри.

Я остановился, держа дверь полуоткрытой. Образовалась тишина, которую нарушила работа моего мозга, этот звук напоминал жужжание жесткого диска в ноутбуке.

– Сложить обратно этот потрепанный кусок бумаги, найти Тоси и запихать этот символ свободы в его коричневую пещеру.

Я распахнул дверь. Приятная тишина забегаловки сменилась на суету оживленного города. Были слышны шум и гудение автомобилей, резкие сигналы клаксонов, гул строительной техники и звуки работающих телевизоров из окон соседних домов. Я закурил сигарету. Мой мотор снова застучал громче карнавального барабана. Сердце жгло.

«Хреновая старость», – подумал я.

Сладкий дым спасал меня. Он расслаблял, беря меня за руку и уводя от всех невзгод. Мой старый приятель, никотиновый черт, радовался, насыщаясь дурманом.

Я спустился с небольшого крыльца и подошел к «мустангу». Неохотно посмотрел на сумку и, зажав зубами папиросу, нагнулся, чтобы открыть подарок Тоси. Как я и думал, в сумке лежало бабло. Самурай решил купить честного копа. Глупо. На меня смотрело столько зеленых бумажек, что ими можно было подтираться до конца жизни, не тратясь на туалетную бумагу. Их было достаточно, чтобы даже в свой последний день на земле я мог оставить смачный мазок коричневого цвета на счастливом лице Франклина.

Мне было плевать на кожаный мешок с ручками, поэтому, пнув его в сторону, я забрался в прокуренный салон. Деньги в сумке полагались Гарри, это были его чаевые за все двадцать лет нашей дружбы. Я знаю хватку старика, он не упустит свой шанс и прикарманит большой куш. Да и пускай. Это справедливый расклад: однорукому ветерану – деньги, а копу – задница плохого парня. Никто не узнает про этот подарок, поэтому Гарри искать не будут, а я буду молчать как мертвая рыба.

Глава 6. Тони – главный герой лекции. Часть 2

Скарлетт смотрела на меня влюбленным взглядом. Кажется, ей нравились мужчины с характером и с глубокими морщинами на лице. Конечно, я не сразу стал таким суровым малым. До инцидента с Тони я был прилежным копом. Много не высовывался и делал, что говорят, но после того происшествия все поменялось. Меня, как и всех, залихорадило. То, что случилось, коснулось каждого, государственная структура управления поменялась не только в Америке, но и за ее пределами. Вся планета была захвачена вихрем изменений. Люди, которые в реальности руководили мировыми процессами, скончались, оставив после себя пустоту, которую необходимо было заполнить, и началась борьба за место под солнцем.

– Так что уникального в этом копе? Почему Тони стал таким важным сукиным сыном? Какого хера о нем запели на всех каналах и страницах газет? – Я замолчал.

В этот раз рук было меньше. Видно, не все достаточно смелы, чтобы держать мой удар. Студенты смекнули, что за ответом последует мой новый вопрос и, возможно, он будет не из приятных.

Я осмотрелся. Рука Скарлетт тянулась к небу. Меня это

радовало. Она играла со мной, а я с ней.

Кивнув рыжему парню, я дал слово ему.

– П-п-п-потому что, – заикаясь выдавил тот, – в н-н-н-него никто не верил, а-а-а он оказа-за-зался копом со сталь-ным шара-ра-рами ме-ме-между ног.

Рыжий замолк, вызвав своей речью легкие улыбки на лицах однокурсников.

– Да, парень, да, – кивая головой, как игрушечная собачка на панели автомобиля, произнес я. Юнец с крупными веснушками обрадовался, что я похвалил его. Он заметно преобразился в лице и застучал пальцами по деревянной парте.

– Только ты мне ответь вот на какой вопрос: а в тебя кто-нибудь верит? Ты запинаешься, как старый драндулет. У тебя на эту тему комплексов нет? Ты не паришься, что тебе приходится выдавливать из себя слова, точно твердые котяхи при запоре?

Студент занервничал, внизу его глаз образовались два бассейна слез, которые вот-вот должны были дать протечку, покотившись по оранжевым щекам. Когда лицо разделили два соленых ручья, рыжий резко встал и, то и дело дергая рукой у носа, принялся собирать манатки, чтобы свалить по-добро-поздорову.

– А ты куда это собрался? – спросил я.

Под изумленные взгляды остальных он, не обращая внимания на мой вопрос, продолжал складывать свои вещички в кожаный рюкзак.

– Парень, урок еще не закончен, – пожал плечами я. – Если ты сейчас вынесешь отсюда свой зад, то ты никогда не получишь зачет по моему предмету. – Я посмотрел на него. – Никогда. А если ты знаешь, что обо мне говорят, то ты не станешь рисковать, правда?

Студент замер. О чем-то думая, он не шевелился. В его голове происходили вычислительные действия. Его коробочка зашуршала, мои слова отрезвили его, и теперь он стал сомневаться в целесообразности своих действий.

– Хороший мальчик, – похвалил его я. – Ты понял правила игры, и это шаг к получению зачета. Садись, дружок, садись и слушай историю дальше. – Я выписывал слова, как бизнесмен выписывает чеки – филигранно.

Конопатого мальчугана подкупила речь о зачете, и он сдался мне. Да, я вел себя как конченный мудака, я был пропитан злобой, я изрыгал ненависть на этих тупых отпрысков, потому что они не могли мне дать сдачи. Я, как и сама жизнь, бил по яйцам и смеялся, смотря, как студенты проглатывали новый пуд несправедливого дерьма.

– Потом вы вернетесь сюда и скажете мне спасибо, ведь то, что делаю я с вами, – это учу уму-разуму. Закаляю ваш характер. Думаете, Тони случайный герой этого дела? Конечно нет: у этого детектива хватка была что надо. Он знал, для чего ему нужны зубы, и он их использовал по полной, он грыз сталь и глотки. И надеюсь, я помогу вам овладеть этим умением – сжимать свою пасть и молча делать то, что

от вас требуется.

Я посмотрел на Скарлетт – кажется, ей нравилась моя речь. Она, подперев подбородок, замороженно слушала, как я фонтанирую жгучими фразами.

– Тони был принципиальным малым. Он не любил много трепаться, а лишь действовал, как бойцовский пес. Он кое-что понимал в целях и двигался к ним, как стрелы Робин Гуда – прямиком в яблочко. Да, Тони грешил и имел скрытые связи с мелкими жуликами, но он шел на это ради большого дела, он разменивал маленький жетон на суперприз, отнимая его у игрового автомата, который называют «однорукий бандит». И вы, наверное, слышали много разного вздора об этом старике, и это нормально, ведь репутация чистая только у того, кто ни хера не делает, а человеку активному всегда можно приписать чего лишнего, поэтому и у Тони репутация не девственная. Конечно, мне повезло, что я имел честь обменяться с ним парой фраз, потому что таких людей, как он, почти не осталось.

Глава 7. Тони заглядывает к своему информатору

Разбудив дикого «мустанга», я мысленно попрощался с хозяином забегаловки: после такого презента он явно уедет куда-нибудь подальше из этой дыры.

Я кивнул Гарри, который смотрел на меня, стоя у окна в серых разводах. Он махнул в ответ.

Мой железный скакун выехал на большую дорогу, чтобы помочь мне отыскать какого-нибудь узкоглазого парня, разбирающегося в японских иероглифах. Я чувствовал себя ковбоем на Диком Западе, одиночкой, вставшим на борьбу с краснокожими мерзавцами, украшающими себя разноцветными перьями. Всегда будут те, кто захотят пойти против норм, и всегда останутся парни вроде меня, бойцы, готовые надрать задницы козлам, разрушающим моральные устои. Борьба добра и зла – штука бесконечная, и дерьмо, в которое я сейчас ввязался, воняло именно этой схваткой.

Пока я вилял между консервных банок, неторопливо движущихся по дороге, внутри моей груди все жгло. Только мой приятель «мустанг» мог понять, каково это – жить с жаром внутри, у него тоже было горячее сердце, и оно также вело его вперед.

Подъехав к порту, я утихомирил двухдверного проказни-

ка, с дикого галопа перейдя на темп помедленнее. Ворота в гараж Кислого были заперты изнутри: амбарный замок, который он, уходя, вешал на стальные петли, отсутствовал. Я затормозил. Вокруг было тихо. Я нажал клаксон на рулевом колесе – «мустанг» издал протяжный звук, напоминающий сигнал воздушной тревоги. Кислый знал голос моего железного друга, но сегодня открывать не спешил.

Я заглушил двигатель, и стало еще тише. Гребаное ничего. Солнце приближалось к зениту, железная коробка нагрелась, и в ней становилось душно, мой кожаный плащ грубого пошива заставлял меня потеть.

После пяти минут ожидания высокие, четырехметровые ворота распахнулись и за ними появился полный силуэт – это был Кислый. Я выбрался из железной капсулы. Хозяин гаража встречал меня с вытянутой рукой, но вместо того, чтобы пожать ее, я попросил прикурить. Две самокрутки Гарри уже выветрились из рабочей половины легких, и мой дряхлый скафандр просил добавки. Кислый неохотно достал из кармана пачку и, открыв ее, жестом предложил угоститься. Я вытащил две сигареты, засунул их в нагрудный карман Кислого и забрал себе остальное. Он хотел было возразить, но я двинулся в сторону гаража.

– Все так же перебиваешь номера? – кинул я.

Кислый не сразу, но пошел за мной.

– В городе рассказывали забавную историю, как один тип подогнал машину, с которой ты уже успел поработать. – Я

достал сигарету и закурил. – Вор ворует у вора, а другой вор помогает скрыть это воровство.

– Тони, что тебе надо? – взъерошился механик.

Хотя я и навещал этого парня чаще, чем родные заглядывают к больному в палату, мне всегда приходилось обозначить, кто тут главный, и самый лучший способ это сделать – зайти к нему в мастерскую и посмотреть его свежие работы.

Если преступника поймать на одном дельце и закрыть на него глаза, то он может немного помочь. А если закрывать глаза каждый день? То, по логике, этот негодяй должен благодарить своего спасителя ежедневно. Схема была проста, как зеленые какашки младенца: я вижу новую тачку на легализацию, закрываю глаза на этот кусок металла – и получаю свежую порцию данных. Так как Кислому привозили ворованные тачилы с периодичностью раз в двенадцать часов, мне было легко подсадить его на подписку.

Все сплетни города стекались в стены этого гаража. Мелкие рыбешки криминала собирали крохи из карманов честных горожан, которые у них значились лохами для кормежки. И этот низший слой преступной организации переносил самое большое количество информации. Мерзкий закон Парето в действии: о двадцати процентах всех серьезных дел в округе знали восемьдесят процентов шестерок, которые совершали восемьдесят процентов всех преступлений в городе.

Здание Кислого было храмом сплетен. Досаждало лишь одно но: этот толстый придурок додумался арендовать гараж в порту, что было уж слишком пошло и ни хера не смешно. В каждой голливудской истории ночной порт значит штабом плохих парней, по самую шею увязших в криминале. Помещение, которое я сейчас осматривал, словно сошло со стоп-кадра тупого боевика. Из-за этого мне не раз приходилось удваивать энергозатраты на отмазывание своего информатора. Каждый коп, будь он кристально чистым, как слеза ребенка, или грязным, как уставший шахтер, знал об этом местечке, и мне приходилось применять недюжинную смекалку, чтобы ребята в погонах не заглядывали сюда на огонек.

– Я сейчас зайду к тебе в кабинет и удобно присяду за столом, а ты мне привезешь какого-нибудь японца или китайца, знающего английский и способного перевести пару иероглифов, – выпуская дым, сообщил я.

– Тони, не хочу тебя расстраивать, но до меня дошел слухок... – неуверенно произнес информатор. – Ребята говорят, что ты вроде как без значка. Так что теперь ты не можешь здесь указывать и впредь не сильно-то способен нам помочь.

Кислый трясся, как голая баба, увидев большой член перед половым актом.

Я промолчал. Тут подошли несколько парней, измазанных в мазуте, и как-то недобро стали глядеть на меня. Моя сигаретка аккуратно тлела между зубов. Я посмотрел на этих

клоунов и, развернувшись, пошел в сторону будки Кислого. За моей спиной раздались шорохи и перешептывания.

– У тебя там есть свежий выпуск «Нью-Йорк таймс»? – кинул я.

– Эй, Тони! – кто-то из парней меня окликнул. – Тебе было сказано, проваливай, пока здоров.

– Что ты делаешь? – раздался шепот Кислого.

– То, что ты боялся всегда, – гоню прочь этого старика.

Я не останавливался. Гараж размером в половину футбольного поля был забит краденными тачками; чего-чего, а своего «мустанга» я бы не хотел здесь увидеть.

– Эй, папаша, ты не понял? – прорезался высокий голос еще одного отморозка.

– Вы его не знаете, перестаньте! – Кислый пытался успокоить своих ребят.

Я стоял уже у двери в грязный кабинет Кислого, когда услышал быстрые шаги в свою сторону. Я развернулся. Почти вплотную ко мне стояли три парня. Один из них походил на медведя гризли, а его приятели – на небольшие кухонные шкафы.

– Тони, так тебя зовут? – пробубнил гризли.

Огонек на сигарете подбирался вплотную к моим пальцам. Я вспомнил, как часом раньше затушил бычок о блестящий лоб молодого недоумка. У меня мелькнула мысль повторить этот трюк, но я решил, что мои фокусы должны быть разными, поэтому бросил окурок на пол.

– Посмотри, – произнес я, – представь, что это ты.

Я занес свою правую ногу и втер дымящуюся чертовку в бетонное покрытие ангара.

– Парни, хорош, хорош, все нормально, пускай Тони посидит в моем кабинете, а я пока смотаюсь за узкоглазым, – расталкивая ребят, проговорил Кислый.

– Босс, хорош нас успокаивать, мы не малые дети, и нам надоело, что этот тип тут трется каждый день и что-то вынюхивает, – прозвенел низкорослый.

– И если у него нет при себе жетона, то пускай катится ко всем чертям, – добавил второй.

– Вы не понимаете, кто это, – перестав бороться со своими парнями, сказал Кислый. – Если вы его ударите, он ответит выстрелом из своего кольта. Если вы решите наехать на него с помощью винтовки, он вернется и проучит вас из огнемета. Ну а если у вас завелся гранатомет и вы выпустите пару снарядов в этого чувака, – Кислый показал на меня, – то он заедет сюда на танке.

Вот почему Кислый был боссом у этих выскочек: в случае чего он знал, как урегулировать любой конфликт и подмазать, кого надо. Он никогда не лез на рожон, а, если уж пахло жареным, включал мозг.

– Даю тебе тридцать минут. И пускай твои парни умоются, больно у них лица чумазые, – сказал я, открывая стеклянную дверь в будку Кислого.

Спинным мозгом я чувствовал, как его парни недоумева-

ли.

– Босс, ну дай я ему врежу, а? – прокряхтел гризли.

– Если ты ему врежешь, то будешь искать другой гараж.

За закрывающейся дверью раздались недовольные возгласы. Я упал на изрядно потертое кресло. Передо мной раскинулся рабочий стол Кислого. На нем лежала куча барахла – это был не стол, а мусорное ведро. Я приподнял взгляд и вонзил его в спины уходящих парней, которые, почувствовав это, повернулись, демонстрируя недовольные гримасы. Казалось, что этим ребятам не дали прокатиться на самокате или в самый разгар соревнования отняли футбольный мяч. Я вытянул ноги перед собой и откинулся на спинку кресла. Впервые за день мне не хотелось курить. Я сложил руки в замок и занес за затылок. Мне бы не помешало немного отдохнуть, поэтому я прикрыл глаза и вспомнил страстное тело Дейзи.

Эта девочка сейчас бы была кстати, она бы помогла мне снять напряжение, зажав мой ствол своим небольшим ротиком. Я сглотнул слюну.

Когда я первый раз передернул свой член, я осознал, что больше никогда не смогу себе отказать в этом убойном удовольствии. Мой первый опыт общения со своим елдаком открыл мне мир дикого кайфа, поэтому в тринадцать лет я завел себе двух подружек (одной было мало). Я насаживал их на свой шампур что было мочи. Член у меня тогда был твердый, как деревянная палка. Подружки были старше меня, и

у них были сиськи размером со спелый гранат. Они не знали друг о друге, но, когда уличили меня во лжи, предложили устроить приключение на троих. Так, в четырнадцать лет я уже спал с двумя девочками одновременно.

К двадцати шести я бросил вести счет цыпочек, успевших попрыгать на моем поршне, но годом ранее число перевалило за сотню. В те годы я совал свой член куда ни попадя, разве что только не чистил им канализационные трубы, а так мой хер видел многое. Скоро я поймал себя на мысли, что в пятьдесят мой градусник перегреется и я не смогу им пользоваться как полагается, поэтому стал трахаться еще чаще. В сексе я был как отбойный молоток, дергался интенсивней дятла Вуди, словно боялся, что не успею насладиться своим стояком.

Девочки не жаловались: из-за большого опыта мы с моим дружкой научились делать необычные вещи. Чтобы произошло цунами сильней, чем на Мальдивских островах две тысячи четвертого года, было достаточно вставить хорошенько разогретый аппарат в приемный пункт, и случались первые признаки влажности. При желании я мог открыть свой продюсерский центр, потому что рядом со мной у девчонок прорезался голос. Никто не мог сохранять молчание. Иногда на ритмичные звуки моей безупречной работы ложились сладостные крики удовольствия и получались недурные музыкальные решения, которым мог позавидовать даже сам дырявый сэр Элтон Джон.

Я еще разрешал себе изредка улыбнуться лишь потому, что в моем преклонном возрасте член у меня был в исправном состоянии. И Дейзи неплохо справлялась с ним, настолько неплохо, что некоторым заклинателям змей стоило бы у нее поучиться.

Эта двадцатилетняя девчонка работала стриптизершей в клубе «Дырявый носок», вход туда был только по приглашительным. Обычные ребята лишь слышали об этом заведении и все как один мечтали туда попасть. Это место был раем на земле. В нем девочки не только снимали с себя женские побрякушки и белье под неторопливую музыку, но и с радостью могли позволить заткнуть любую дырку на своем теле, если гость решит, что его заглушка хорошо зайдет вовнутрь. Так могли поступить с любой, кроме Дейзи. Она была под моим покровительством и чувствовала себя защищеннее многих банковских счетов. И если даже какой-то недоумок по незнанию или от сильного возбуждения вдруг вытаскивал свой кулан на глазах Дейзи, то папочка приходил и объяснял парню, что так поступать не следовало. Охрана в клубе была подмазана, поэтому проблем с информацией у меня не было. Эта девочка была моей, и только мой штопор мог откупоривать эту стройняшку.

Дейзи танцевала как богиня, и я был не против, я разрешал ей немного повоображать на сцене. Она, как маленькая мартышка, вытаскивала свои огромные сиськи из прозрачных чашечек лифчика и крутилась на месте, демонстри-

руя их непревзойденную упругость. У нее была непродавливаемая грудь, такая же задница – любой шлепок отлетал от гладкой кожи быстрее баскетбольного мяча в жаркие минуты матча. Дейзи была произведением искусства. Если бы Хью Хефнер пронюхал про мою малышку, то он бы выгнал из своего особняка всех девиц и не вылезал бы из «Дырявого носка», засматриваясь, как она умеет дразнить мужское желание.

Я ждал нашей встречи и мысленно рвался к Дейзи, чтобы она меня утешила, подергала мою лыжную палку, помогла папочке умчаться в мир сладких грез.

Глава 8. Тони расшифровывает записку

Шум открывающейся двери вернул меня в настоящее. Я неохотно разлепил веки. Передо мной стоял Кислый, рядом с ним – испуганный китаец или японец, кто их разберет. Я посмотрел на часы и, согнув ноги, сел прямо. Кожаное кресло Кислого было мягким, но не очень-то удобным. На прощание я хотел не забыть сказать ему, что незачем держать второсортную мебель у себя в кабинете.

– Ты опоздал на восемь минут, – ища пачку сигарет, произнес я.

– В Эванстоне не так много желтомордых – хорошо, что я хоть этого нашел, – с наездом сказал Кислый.

– Он по-нашему лялякает?

– Ты понимаешь, что говорит этот господин? – Кислый взял за шкуру узкоглазого парня.

– Я немного понимать.

– Вот и славно. – Я раскурил никотиновую подружку. – Прочти, что здесь написано, – не вставая с места, я протянул ему мятую бумажку, которая час назад была журавлем.

– Но я немного не понимать. Это японский иероглиф, а я китаец, – зажужжал тот.

– Ты не понимать? – проворчал я. – Кислый, тупой мудака,

ты кого сюда притащил?

– Босс, ты сказал, что тебе нужен узкоглазый. У этого парня под бровями как раз две щелочки размером в три миллиметра.

Кислый посмотрел на недоумевающего китайца, а потом, пожав плечами, на меня. Картина была жалкой. Два тела напротив сжались, как фрукты на солнце, они ждали, что я сделаю дальше, но я сам ни хера не знал, как поступить. Я был зол. Мне совсем не хотелось отправлять этого толстого дегенерата за новым переводчиком, я был сильно против того, чтобы проторчать еще тридцать минут в его отвратительном кресле.

– Спроси, он совсем не может прочесть, что там намазано? – спокойно выпуская дым, произнес я.

Кислый лишь вопросительно посмотрел на китайца.

– Я могу немного пробовать перевести с помощью свой смартфон, – китаец достал из кармана черный предмет, – но может быть паршивый перевод.

– Скажи, пускай попробует.

Кислый кивнул испуганному китайцу. Низкорослый парень был молодым, но уже сильно потертым. Должно быть, Кислый приволок его с какой-то стройки. Он переминался с ноги на ногу и сгорбился, ожидая, что я встану и надаю ему лещей. В нашем городе этих ребят действительно не так много. Когда великая китайская волна эмиграции накрыла Чикаго, то небольшие ручейки потекли и в наши края. Эван-

стон никогда не славился расовой разношерстностью, в основном здесь обитали белые, редко встречались чернокожие и азиаты. Два года назад перепись населения насчитала лишь восемь процентов последних от общего числа горожан.

Китайцы приезжали в Новый Свет в погоне за дурманом под названием «американская мечта», но на деле горбатились на стройках, убирали сортиры или барыжили дурью на улицах. Редкий узкоглазый в нашем городишке мог похвастаться состоянием, но встречались и такие предприимчивые мудаки, которые неплохо генерили бабло, да и сливали его с толком.

Передо мной стоял испачканный в строительной пыли китаец, под его глазами синели большие мешки, что говорило о недосыпе, а пораненные пальцы на руках давали понять, что сегодня он перенес не один кирпич.

– Здесь написан такой слова: «Я собрать армия. Лучше взять деньги. Пора исчезнуть».

Даже на ломаном английском паренек доходчиво донес мне расклад. Старина Тоси собирает армию и предлагает мне выйти из игры. Ничего нового. Главарь «Святош» оказался проворным малым, его хватка – что надо. Я долго искал преступника подобного уровня. Мне уже давно было скучно среди этих тупых хлыщей, жалких карманников и мелких жуликов, а тут намечалось масштабное веселье. Я должен устроить себе настоящий праздник перед пенсией – затщить Тоси Дэнсэцу в загон под названием «тюряга», по-

сле чего со спокойной душой отправиться на заслуженный отдых, попить коктейли где-то в Майами, прижимаясь к сочному телу Дейзи.

– Это, возможно, быть неверный перевод. Возможно, здесь другой написано, но телефон говорить так.

– Как тебя зовут, парень? – спросил я, добывая дурнушку.

– Меня звать Шэнли, что на английский – «победитель».

Кислый дернул парня за локоть, тот протянул руку, вернув мне записку. Я только сейчас почувствовал ядреный запах пота, от китайца воняло, как от ведра протухшей рыбы.

– Отвези победителя, откуда приволок, и купи ему пару новых сорочек, – приказал я и утопил окурок в полной пепельнице Кислого.

– Хорошо, босс, – кивнул мой информатор и, схватив китайца за руку, повел его к двери. Потом остановился и обернулся ко мне: – А откуда у вас эта записка?

Я медленно встал с его кривого кресла и, аккуратно складывая письмо Тоси, произнес:

– В период холодной войны немало добрых ребят полегло от рук красных. Шпионы всех сортов безмолвно умерли, унося с собой секреты государственной важности.

Я медленно пошел к нему. Кислый скукожился, как член бедолаги, провалившегося под лед.

– Если я тебе скажу, откуда у меня эта бумажка, то мне придется закопать тебя в подворотне, потому что эта информация, мать ее, государственной важности.

– Давайте мы идти, мне надо работать немного, – заерзал узкоглазый.

– Извини, Тони, мне не следовало этого спрашивать, – смотря на меня, тихо сказал механик.

Я надвигался на прижатую друг к другу парочку так, что каждый шаг усиливал их панику. В кабинете почувствовалось напряжение.

– Кислый, ты смышленный малый, почти без давления неплохо помогал мне в последнее время, но твое херовое любопытство однажды сыграет злую шутку.

– Я понял, босс, понял. – Кислый попятился. – Мы пойдем? У меня есть еще дела, да и нашему приятелю уже пора, – он указал на китайца.

– Пойдете, если ты, чертов умник, дашь мне ответ на детскую загадку.

– Вы получить информация, можно мы идти? – спросил желтокожий.

Я потер лоб и впился взглядом в этих недоумков.

– Загадка простая, на смышленость, – произнес я. – Когда человек находится в комнате без головы?

Кислый нервно улыбнулся. Его глаза забегали, словно он стоял у прилавка с мороженым и не мог сделать выбор. Губы тихо шептали задачу. Он немного подергивался и крепко держался за грязного строителя.

– Тони... – протянул хозяин кабинета, – твоя взяла.

Это было отличным началом – как правило, после этих

слов я узнавал кое-что значительней решения дебильной шарады.

– Я хотел это оставить на десерт, ну, типа на сладенькое, а здесь такое, – оправдывался механик.

Я молчал.

– В общем, эта информация, и она вроде как будет полезной для тебя, я не хотел ее выкладывать так сразу, решил придержать.

– Придержать на сладенькое? – переспросил я.

Китаец, внимательно слушая нас, переводил глаза с меня на Кислого, а потом снова на меня. Он перестал дергаться, лишь плавно вертел головой.

– Кислый, ты придурок! – я схватил его за горло, и он принялся махать руками.

– Обычно я начинаю свой обед с десерта, не люблю откладывать удовольствие на потом, чертов ты пень.

– Да-да, извини, босс, – прохрипел Кислый. – Я знаю... Я знаю имя химика, который работал над наркотой «Святош».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.